

А. В. Махлаюк

ПОДВЛАСТНЫЙ СЫН НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ:
PATRIA POTESTAS, PECULIUM CASTRENSE И СОЦИАЛЬНЫЙ
СТАТУС РИМСКИХ ЛЕГИОНЕРОВ В ЭПОХУ ИМПЕРИИ

Как известно, отцовская власть (*patria potestas*) и деление свободных граждан на лиц своего и чужого права (*personae sui iuris* и *personae alieni iuris*) относились к исконным, основополагающим правовым характеристикам положения человека в римском обществе¹, определяя не только его семейный статус, но и социально-экономическое положение; кроме того, именно обладание *patria potestas* лежало в основе правового разделения полов². Не подлежит сомнению, что действие института отцовской власти было наиболее значимым в первую очередь для подвластных сыновей (*filius familias*), которые до смерти домовладыки или до эманципации существенным образом ограничивались в своей правоспособности, как личной, так и имущественной. Ни родной, ни приемный сын, состоявший под властью отца, не мог каким-либо образом заставить его сделать так, чтобы он не был в его власти (D. 1. 7. 31). При этом, однако, отцовская власть не простиралась на публичную деятельность (*in publicis causis*) подвластного сына: в этой сфере сын семейства занимал такое же место, как отец семейства, например, исполняя магистратуру или обязанности опекуна (D. 1. 6. 9 pr.)³. Домовладыка не имел права удержать подвластного сына от призыва в войско: всякая попытка такого рода, как в военное, так и в мирное время, рассматривалась как тяжкое преступление, караемое, соответственно, изгнанием, конфискацией части имущества и телесным наказанием (D. 49. 16. 4. 11)⁴.

¹ См., в частности, 6-й титул в I книге Дигест, а также часто цитируемое высказывание Гая (*Gai. Inst. I. 55*: «Главным образом под нашей властью состоят наши дети, рожденные в законном браке; право это есть исключительное достояние римских граждан, ибо нет почти других народов, которые имели бы над детьми такую власть, какую имеем мы» – *Quod ius proprium civium Romanorum est; fere enim nulli alii sunt homines, qui talem in filios suos habent potestatem, qualem nos habemus*).

² См. Томас Я. Разделение полов в римском законодательстве // История женщин на Западе. Т. I–V. Т. I. От древних богинь до христианских святых / Под ред. П. Шмит Пантель / Пер. с англ. СПб., 2005. С. 120.

³ Из большого числа работ, посвященных содержанию и значению *patria potestas* в римском обществе, см., например: *Kaser M. Der Inhalt der patria potestas // ZSS. 1938. 58. S. 62 ff.*; *Sachers E. Potestas patria // RE. Bd XXII. 1953. Sp. 1046–1175*; *Crook J. Patria Potestas // CIQ. 1967. N.S. 17. 1. P. 113–122*; *idem. Law and Life of Rome, 90 B.C. – A.D. 212. Ithaca-New York, 1967. P. 106–111*; *Voci P. Storia della patria potestas da Augusto a Diocleziano // Iura. 1980. 31. P. 37–100*; *Lacey W.K. Patria Potestas // The Family in Ancient Rome: New perspectives / Ed. by B. Rawson. London–Sydney, 1986. P. 121–144*; *Gardner J.F. Being a Roman Citizen. L.–N.Y., 1993. P. 32–84*.

⁴ По эдикту Траяна, отец, изувечивший своего сына при наборе в войско во время войны с целью сделать его негодным к военной службе, подлежал ссылке (D. 49. 16. 4. 12). Август, по свидетельству Светония (*Div. Aug. 24. 1*), даже приказал обратить в рабство и продать с торгов вместе со всем имуществом римского всадника, который отрубил большие пальцы рук двум своим сыновьям, чтобы избавить их от военной службы. Очевидно, что этот шаг принцепса носил прежде всего демонстративный характер и был, вероятно, обусловлен критической ситуацией, сложившейся в Риме после разгрома легионов Вара в 9 г. н.э.

Вместе с тем, ни высокая государственная должность, ни вступление на военную службу, по однозначному мнению римских юристов, отнюдь не освобождали сына семейства от отцовской власти как таковой⁵.

В то же время целый ряд принципиальных правомочий отца семейства в эпоху Империи существеннейшим образом ограничивался в отношении подвластного сына, находящегося на военной службе (*miles filius familias*). Это относится прежде всего к сферам наследственного и имущественного права, где детальную разработку получили такие специфические институты, как воинское завещание (*testamentum militis*) и лагерный (или воинский) пекулий (*peculium castrense*), которым посвящены специальные разделы Дигест (соответственно 1-й титул 29-й книги и 17-й титул 49-й) и Кодекса Юстиниана (36-й титул XII книги). Содержание соответствующих правовых норм в наибольшей степени обнаруживает поразительное на первый взгляд расхождение юридического статуса военнотружущих, как и военного права в целом⁶, с главными постулатами и фундаментальными принципами общеобязательного права (*ius commune*). Эти нормы и составляли те *propria et singularia iura*, «особенные и исключительные права» (D. 29. 1. 2), которые отличали воинов от прочих граждан, от «штатских», *ragani*, как они именуется в противоположность военным. Следует отметить, что в рамках целостной системы римского права, для которой, как известно, первостепенное значение имело подразделение на *ius publicum* и *ius privatum*, военное право в названном смысле занимает совершенно особое место, являясь, по существу, единственным (до появления в постклассический период канонического права) разделом, специально посвященным определенной сфере деятельности и правовому положению отдельной «профессиональной» группы.

Обращаясь к характеристике этих институтов, важно, на наш взгляд, обратить внимание не только на их собственно юридическую специфику и место в развитии догмы римского права, чему посвящено немало исследований совре-

⁵ Inst. I. 12. 4: *Filius familias, si militaverit, vel si senator vel consul fuerit factus, manet in patris potestate. militia enim vel consularia dignitas patris potestate filium non liberat* – «Подвластный сын, находящийся на военной службе либо ставший сенатором или консулом, остается во власти отца, ибо военная служба или консульское достоинство не освобождают сына от отцовской власти»; Cod. Iust. XII. 36. 3: *errat, qui tibi persuasit, quod nexu paternae potestatis iure sacramenti solutus es. manent enim nihilo minus milites in potestate parentum...* Император Александр Север воину Фелициану, 224 г.: «Ошибается тот, кто внушил тебе, что ты по праву военной службы свободен от отцовской власти. Ведь воины ничуть не менее [прочих] находятся в родительской власти...». Примечательно, что и после того, как при Септимии Севере были официально разрешены браки военных, подвластный сын, находившийся на военной службе, так же как и «гражданский» *filius familias*, не имел права вступить в законный брак без позволения отца (D. 23. 2. 35).

⁶ О римском военном праве в целом см. *Sander E.* Das Recht des römischen Soldaten // RhM. 1958. 101. S. 152–191, 193–234; *Renz R.F.* The Legal Position of the Soldier and Veteran in the Roman Empire. Diss. N.Y., 1972; *Jung J.H.* Die Rechtsstellung der römischen Soldaten. Ihre Entwicklung von den Anfängen Roms bis auf Diokletian // ANRW. II.14. 1982. S. 882–1013; *Giuffrè V.* Militum disciplina e ratio militaris // ANRW. II. 13. 1980. S. 234–277; *idem.* Il «diritto militare» die Romani. Studi e materiali per gli insegnamenti storico-giuridici 2. Bologna, 1980; *Vendrand-Voyer J.* Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983; *Campbell J.B.* The Emperor and the Roman Army, 31 BC – AD 235. Oxf., 1984. P. 207–242, 246 ff., 267 ff., 300 ff.

менных романистов⁷. С исторической точки зрения, гораздо важнее выяснить, какие военно-организационные, социальные и политические реалии стоят за данными правовыми категориями и конструкциями; можно ли обнаружить здесь такие идеологические и ценностные представления, которые наряду с глубоко практическими соображениями и потребностями, обуславливали смысл и содержание соответствующих правовых норм, формулируемых в императорских конституциях, и их интерпретаций, предлагаемых римскими правоведом. Говоря конкретнее, правовой и социальный статусы римских военных эпохи Империи должны рассматриваться в нерасторжимом единстве с тем особым положением, какое профессиональная армия занимала в обществе, учитывая как ее специфическую внутреннюю корпоративность, объективные условия и потребности военной службы, так и существовавшие в эпоху Империи представления о политической и социальной ролях римского солдата⁸.

Надо также сказать, что рассмотрение тех правовых коллизий, которые возникали во взаимоотношениях подвластного сына-воина, наделяемого соответствующими привилегиями, с отцом семейства, имеет прямое отношение к дискуссионному вопросу о характере и реальном социальном значении отцовской власти в классическую эпоху. В исследованиях последнего времени, прежде всего в работах Р. Сэллера, опирающегося в значительной степени на анализ демографических реалий⁹, отмечается, что в классическую эпоху *patria potestas* фактически не оказывала определяющего влияния на жизнь и поведение взрослых сыновей, поскольку большинство из них ко времени вступления в первый брак (в возрасте около 25 лет) уже не имели живых отцов; соответственно, римляне не ощущали насущной необходимости производить какие-либо изменения в этом праве, имевшем лишь маргинальные социальные последствия, и по инерции сохраняли его со всей его жесткостью и неуклюжестью; образ сурового отца семейства относится поэтому скорее к символической сфере, нежели к реальности. К аналогичному выводу приходят и другие исследователи¹⁰.

⁷ О лагерном пекулии и наследственном праве солдат: *Fitting H.* Das castrense peculium in seiner geschichtlichen Entwicklung und heutigen gemeinrechtlichen Geltung. Halle, 1871; *idem.* Zur Geschichte des Soldatentestaments. Halle, 1886; *Albertario E.* Appunti sul peculio castrense // *Idem.* Studi di diritto romano. Vol. I. Milano, 1933. P. 157–181 (= *Bulletino dell'Istituto di diritto romano.* 1931. 39. P. 5–31); *Uxcull W. von.* Peculium // *RE.* Bd XXXVII. 1937. Sp. 15; *Lehmann B.* Das Eigenvermögen der römischen Soldaten unter väterlicher Gewalt // *ANRW.* II. 14.1982. S. 183–284; *Calderini A.* Testamenti di soldati // *Atene e Roma.* 1915. 18. P. 259–266; *Arangio-Ruiz V.* L'origine del «testamentum militis» e la sua posizione nel diritto romano classico // *Bulletino dell'Istituto di diritto romano.* 1906. 18. P. 188 sgg.; *Guarino A.* Sull'origine del testamento dei militari nel diritto romano // *Rendiconti dell'Istituto Lombardo di scienze e lettere.* 1938–1939. 72. P. 355–367; *idem.* L'oggetto del «castrense peculium» // *Bulletino dell'Istituto di diritto romano.* 1941. 48. P. 62 sgg.

⁸ Об этих представлениях и о корпоративности римской императорской армии подробно см. *Махлаюк А.В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. Главы 3, 5, 6.

⁹ См. прежде всего: *Saller R.P.* *Patria potestas* and the Stereotype of the Roman Family // *Continuity and Change.* I. Chicago, 1986. P. 7–22; *idem.* Men's Age at Marriage and Its Consequences in the Roman Family // *CPh.* 1987. 82. 1. P. 21–34; *idem.* Patriarchy, Property, and Death in the Roman Family. *Cambr.*, 1994. P. 117; 142–150; *idem.* Pater Familias, Mater Familias, and the Gendered Semantics of the Roman Household // *CPh.* 1999. 94. 2. P. 182–197.

¹⁰ *Lacey.* *Op. cit.*; *Crook.* *Patria Potestas.* P. 122; *idem.* *Law and Life...* P. 106–111. Мнение об определенном смягчении отцовской власти посредством императорского законодательства высказывает и Дж. Эванс, не разделяя при этом категоричных выводов Р. Сэллера (*Evans J.K.* *War, Women and Children in Ancient Rome.* L.-N.Y., 1991. P. 187–188, 205 with Not. 53).

Вместе с тем, многие историки не только сохраняют, но даже акцентируют традиционный взгляд на *patria potestas* как на во многом определяющий, ключевой фактор римской частной и общественной жизни, подчеркивая, что она имела своим следствием доминирование старшего поколения над младшим в публично-политической сфере и определенное угнетение подвластных в сфере домашней¹¹. Против недооценки и отрицания роли отцовской власти в реальной жизни и в правовой сфере недавно выступил А. Арьява, показав, что и в позднеантичный период *patria potestas*, несмотря на демографические обстоятельства, оставалась краеугольным камнем римского семейного права, прав собственности и наследования и для достаточно значительной части римских граждан была не пустым звуком, но вполне значимым фактором, определявшим их финансовое и имущественное положение¹².

В данной работе хотелось бы привлечь внимание к некоторым наиболее важным моментам и контраргументам, относящимся к положению подвластных сыновей-воинов, которые в императорское время образуют в юридическом смысле особую категорию лиц, чей статус и возникающие в связи с ним казусы привлекали большое внимание и в императорских решениях, и в работах римских правоведов. Думается, что обращение к данному кругу проблем может выявить некоторые дополнительные аргументы в пользу той или другой позиции в упомянутой дискуссии по вопросу о значении отцовской власти в римском обществе.

Пожалуй, с наибольшей наглядностью и радикальностью характерные тенденции развития особого *ius militare* проявились в сфере наследственного права. Не останавливаясь на данной теме, по которой мы уже имели возможность высказаться¹³, ограничимся в настоящей статье только характеристикой тех правоотношений и их социальных импликаций, которые возникали в связи с развитием института воинского (лагерного) пекулия, неразрывно связанного с воинским завещанием и также обнаруживающего специфические черты семейного и социального статуса римских легионеров.

Сразу же следует подчеркнуть, что применительно к воинскому пекулию римские законодатели и правоведы прямо писали о своеобразном уподоблении сыновей семейства домовладыкам. Как отмечает Ульпиан, «в пределах лагерного пекулия сыновья семейства действуют подобно отцам семейства» (D. 14. 6. 2 pr.: *vice patrum familiarum fungantur*¹⁴). Юстиниан же в одной из своих конституций (530 г.), явно следуя устойчивой и давней традиции, заметил, что в очень

¹¹ См., например: *Sachers. Op. cit.; idem. Pater familias // RE. Bd 18. 4. 1949. Sp. 2121–2157*; *Veyne P. La famille et l'amour sous le haut-Empire romain // Annales. E.S.C. 1978. 36. P. 36*; *Hopkins K. Death and Renewal. Cambr., 1983*; *Thomas Y. Parricidium I. Le pere, la famille et la cite // MEFRA. 1981. 93. P. 690*; *idem. Droit domestique et droit politique a Rome. Remarques sur le pecule et les honores des fils de famille // MEFRA. 1982. 94. P. 552*; ср. также *Томас. Ук. соч. С. 120 сл.* (в этой работе, однако, Я. Томас делает акцент на значении *patria potestas* как правовой абстракции, обеспечивающей наследственное преемство). Аналогичной точки зрения придерживается и Д. Доуб, оговаривая, правда, что ограничивающее действие отцовской власти касалось только представителей элиты из высших классов (*Daube D. Roman law: Linguistic, Social and Philosophical Aspects. Edinburgh, 1969. P. 81, 89*).

¹² *Arjava A. Paternal Power in Late Antiquity // JRS. 1998. 88. P. 147–165*.

¹³ Этот вопрос уже специально затрагивался нами. См. *Махлаюк А.В. Реалии профессиональной армии и творчество римских юристов // Социальное творчество и культурные коммуникации в прошлом и настоящем. Творчество Н.А. Добролюбова и его современников / Под ред. В.М. Строецкого. Нижний Новгород, 2005. С. 60–67. См. также литературу, указанную в прим. 8.*

¹⁴ Ср. D. 28. 3. 6. 13: *ad testandum de castrensi peculio pro patre familias habendus est* – «[воин или ветеран, сын семейства] в отношении завещания [своего] лагерного пекулия должен рассматриваться как отец семейства».

многих разделах права войны сыновья семейства представляются весьма похожими на тех людей, которые являются лицами своего права¹⁵. Для такого рода констатаций, несомненно, имелись весьма весомые основания. Рассмотрим, в чем же конкретно они заключались.

Привилегированный – с точки зрения наследственного права – статус приобретенному на военной службе имуществу (*bona castrensia*), по всей видимости, предоставил уже Август¹⁶; Затем эту привилегию подтвердили Нерва и Траян¹⁷. Существенный вклад в расширение прав, связанных с приобретенным на военной службе имуществом, внес император Адриан¹⁸, который, в частности, распространил права лагерного пекулия на ветеранов, что само по себе в высшей степени примечательно, если учесть, насколько незначительным было число ветеранов, имевших живых отцов и соответственно находившихся под их властью¹⁹. Но как специфическая имущественная совокупность (*universitas – D. 5. 3. 20. 10*), как особая юридическая конструкция, интегрированная в частное право, воинский пекулий детально разрабатывается в трудах правоведов в правление императоров династии Северов²⁰.

Надо сказать, что в римском обществе, где отношение к завещанию всегда было очень серьезным, соответствующие привилегии воинов рассматривались именно как знак особого статуса военнотружущих, возвышающего их над мирными гражданами. На это со всей очевидностью указывает XVI сатира Ювенала, посвященная выгодам военной службы и написанная в первые десятилетия II в.²¹ Наряду с преимуществами, которые предоставлялись воинам в судопроизводстве, поэт отмечает:

Кроме того, у одних лишь военных имеется право
Дать завещанье при жизни отца: ибо все, что добыто
Воинской службой трудом, не включается в список имений,
Принадлежащих всецело отцу. Потому-то Корана,
Спутника знамени, деньги копящего воинской службой,
Ловит уже одряхлевший отец: ведь его выдвигает
Правый почет, получает дары он за труд благородный.
Для самого императора важно, конечно, чтоб всякий

¹⁵ Cod. Iust. IV. 28. 7. 1: *in pluribus enim iuris articulis filiifamilias milites non absimiles videntur hominibus, qui sui iuris sunt...*

¹⁶ Inst. II. 12 pr.; Tit. Ulp. 20. 10.

¹⁷ Campbell. Op. cit. P. 231. Подробнее об эволюции этого института см. Vendrand-Voyer. Op. cit. P. 184 suiv., 248 suiv.; Lehmann. Op. cit. S. 209, 268 ff.

¹⁸ См. Lehmann. Op. cit. S. 265–276. В целом о законодательстве Адриана, касающемся военных, и его контексте см. D'Orgeval B. L'empereur Hadrien: (Euvre legislative et administrative. Vol. II. P., 1950. P. 343–382; Schiller A.A. Sententiae Hadriani de re militari // Sein und Werden im Recht / Festgabe für Ulrich von Lübtow / Hrsg. von W.G. Becker, L. Schnoor von Carolsfeld. B., 1970. S. 295–306.

¹⁹ Campbell. Op. cit. P. 236.

²⁰ Vendrand-Voyer. Op. cit. P. 184 suiv.; Lehmann. Op. cit. S. 283–284.

²¹ Об этой сатире см. Ercole P. La satira XVI di Giovenale // Athenaeum. 1930. VIII. P. 346–360; Durry M. Juvénal et les prétoriens // REL. 1935. XIII. P. 95–106. П. Эрколе разбирает вопрос об аутентичности сатиры и лакуне в ее конце; М. Дюрри главное внимание уделил вопросу об отражении в этом тексте реалий, связанных со службой преторианцев. О содержании соответствующих привилегий см. также Lehmann. Op. cit. S. 184, 266 f.; Garnsey P. Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire. Oxf., 1970. P. 248.

Храбрый вояка был счастлив вполне, чтоб радостны были
Все и довольны как сбруей коня, так и цепью почетной²²

(Iuven. Sat. XVI. 51–60. Пер. Ф.А. Петровского).

В процитированном отрывке стоит также отметить имплицитное указание на то, что соответствующие привилегии исходят непосредственно от самого императора.

Но если право оставлять завещание по военному праву (*iure militari testari*) распространялось на воинов всех родов войск, независимо от их гражданского статуса (а также в определенных случаях и на офицеров разных рангов)²³, то привилегии, относящиеся к воинскому пекулю, могли быть предоставлены только римским гражданам, которые, в отличие от peregrinorum, могли находиться под отцовской властью со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями. Выделение в качестве особой категории имущества, приобретенного на военной службе и в связи с ней, ставило перед законодателями и правоведами целый ряд вопросов, касающихся его состава и способов приобретения, его отношений к полномочиям отцовской власти, к фамильной собственности, находившейся в распоряжении домовладыки, и к приданому, приносимому женой солдата, возможностей сына семейства, несущего военную службу, распоряжаться этим имуществом помимо завещания и получать юридическую защиту своих прав. Большое количество императорских указов, зачастую являвшихся ответом на конкретные запросы отдельных военнослужащих или должностных лиц, которые сталкивались в реальной практике с различными непредвиденными ситуациями²⁴, равно как и сохранившиеся комментарии авторитетнейших

²² solis praeterea testandi militibus ius
uiuo patre datur. nam quae sunt parta labore
militiae placuit non esse in corpore census,
omne tenet cuius regimen pater. ergo Coranum
signorum comitem castrorumque aera merentem
quamuis iam tremulus captat pater; hunc fauor aequus
prouehit et pulchro reddit sua dona labori.
ipsius certe ducis hoc referre uidetur
ut, qui fortis erit, sit felicissimus idem,
ut laeti phaleris omnes et torquibus, omnes.

²³ Таким образом, с точки зрения определенных норм военного права фактически стирались сословно-правовые различия между римскими гражданами, peregrinorum и вольноотпущенниками. См. *Махлаюк*. Ук. соч. С. 62 сл.

²⁴ В Кодексе Юстиниана между 211 и 244 годами частным лицам адресовано 934 императорских рескрипта, из них 81 – воинам (не считая ветеранов), что составляет около 8,5% (сюда надо также добавить 9 рескриптов, касающихся солдат, в которых, однако, не указано, что они адресованы непосредственно воинам). Характерно, что в этих императорских решениях подчеркивается профессиональный статус их адресатов: рескрипты адресуются «воину», «ветерану», «эвокату». Ни одна другая социальная или профессиональная группа в таком качестве в императорских конституциях не фигурирует. Это может указывать на то, что даже в сфере частного права императоры рассматривали свое отношение к авторам запросов в понятиях «командующий» и «воин», а не «император» и «гражданин». См. подробнее: *Campbell*. Op. cit. P. 269–271. Весьма показательным с точки зрения значимости этих отношений, что императоры считали необходимым давать ответы даже на, казалось бы, мелкие и маловажные запросы воинов. Историк Дион Кассий сообщает об одном анекдотическом эпизоде, имевшем место во время восточного похода императора Каракаллы: к императору обратились два воина с просьбой решить их спор о мехе вина, и Каракалла, самолично рассмотрев это дело, приказал им разделить мех поровну. Простодушные солдаты разубили мех пополам и лишились всего его содержимого (*Dio Cass. LXXVIII. 1. 3*).

юристов, которые, имея дело с различными спорными казусами, усердно стремились найти определенный баланс между базовыми принципами общего права (прежде всего принципом главенства отеческой власти), требованиями воинской дисциплины и императорской политикой максимально возможного благоприятствования воинам, – все это свидетельствует о том, что решение названных вопросов не было ни простым, ни одномоментным.

Очевидно, что одним из непосредственных мотивов выделения воинского пекулия в особую имущественно-правовую категорию была необходимость уравнять положение военнослужащих, лишившихся отцов и ставших лицами *sui iuris*, с теми воинами, которые оставались под властью отца и формально не имели права распоряжаться своим жалованием, императорскими подарками (донативами), военной добычей, несмотря на то, что десятилетиями находились вдали от родины и родителей. Кроме того, легионеры, как римские граждане, остававшиеся под отцовской властью, в отношении сделанных на военной службе приобретений оказывались в неравном положении и по сравнению с солдатами-паломниками, служившими в вспомогательных войсках или на флоте²⁵.

Нужно также иметь в виду, что из солдатского жалования делались отчисления на питание, обмундирование и оружие воинов, а половина донатив по обычаю сохранялась в легионной кассе (*Veget. II. 20*) и не могла быть использована в течение службы, но выплачивалась только при выходе в отставку²⁶. В эту же кассу отчислялись средства, которые шли на погребение умерших солдат. Такой порядок являлся своеобразной гарантией надлежащего выполнения воинских обязанностей. Понятно, что как воинское начальство, так и сослуживцы были заинтересованы в том, чтобы в случае смерти воина, состоявшего под властью отца семейства, эти средства не переходили к последнему, но оставались в армии, доставаясь по завещанию боевым соратникам, либо переходили тем или другим способом в распоряжение вдовы и детей покойного. Различия в правовом статусе военнослужащих как лиц своего и как лиц чужого права создавало, во-первых, препятствия для развития сплоченности воинских частей и подразделений, а во-вторых, в известном смысле могли поставить под вопрос абсолютность подчинения воинов только власти командующего. Именно отсюда, по всей видимости, и возникает особый правовой режим этого лагерного имущества, обозначавшегося первоначально понятием *bona castrensia*, а потом более широким по своему содержанию понятием *peculium castrense*.

Важно отметить, что в тех толкованиях, которые римские юристы дают содержанию данного понятия, со всей определенностью подчеркивается его непосредственная и неразрывная связь с самим фактом и специфическими условиями военной службы, с определенными действиями самого подвластного сына-воина. По определению Макра, «*peculium castrense* – это то, что сам сын семейства приобрел на военной службе, то, что он и не собирался бы приобрести, если бы не служил» (*quod ipse filius familias in militia adquisiit, quod, nisi militaret, adquisiturus non fuisset* – *D. 49. 17. 11*). Вместе с тем в состав воинского пекулия²⁷ входило и то, что было дано сыну, состоящему под отцовской властью, при поступлении на военную службу (*Paul. Sent. III. 4a. 3*), а именно – движимые вещи

²⁵ *Campbell. Op. cit. P. 235.*

²⁶ Об этом см. *Wesch-Klein G. Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit. Stuttgart, 1998. S. 60–62.*

²⁷ О составе воинского пекулия подробно см. *Guarino. L'oggetto del «castrense peculium»... P. 62 sgg.*

(включая деньги на приобретение военного снаряжения), которые уходящий в армию получал в дар от отца, матери, родственников, близких или друзей (Cod. Iust. XII. 36. 1; ср. D. 49. 17. 3 и 11). К вещам, приобретенным «в лагере в связи с военной службой», относились и рабы, а также наследства, но только те, которые были оставлены теми, кто был известен воину-наследнику не иначе, как по совместной службе. Поэтому, например, наследство, оставленное матерью, в состав воинского пекулия не включалось, как и имущество, завещанное одним двоюродным братом военнотружущим другому, который проходил службу в иной провинции, так как, по толкованию Папиниана, в этом случае имели значение соображения, связанные с кровным родством (*sanguinis ratio*), а не с военной службой (D. 49. 17. 16. 1). Если же родственники по отцу (агнаты) были сослуживцами и один из них оставил наследство другому, то в этом случае возможны были различные ответы на вопрос, следует ли включить это наследство в воинский пекулий. Сцевола сомневался в положительном ответе, так как и до совместной службы можно было оставить наследство в силу знакомства и дружбы, а можно было бы и не оставить, если бы совместная служба не увеличила привязанности. Но, по мнению Трифонина, если завещание было сделано до совместной службы, то такое наследство не включалось в воинский пекулий, если же после, то включалось (D. 49. 17. 19 pr.).

В составе наследств, включавшихся в воинский пекулий, могла быть и недвижимость (Cod. Iust. XII. 36. 1, 3; D. 49. 16. 9. 1), хотя вообще легионерам земельные участки в тех провинциях, где они проходили военную службу, приобретать воспрещалось – даже на чужое имя, чтобы занятие сельским хозяйством не отвлекало их от военного дела, но при этом приобретать дома не запрещалось, как и имения в других провинциях. В случае нарушения этого запрета приобретенное отбиралось казной, если только легионер уже не выслужил срок для получения пенсии или не выходил в отставку (D. 49. 16. 9, 13); исключение делалось также для отцовского имения, если оно продавалось казной (D. 28. 1. 62 pr.). Подаренное же поместье не могло быть отнесено к *peculium castrense*, пусть даже оно приобреталось дарителем на средства из воинского же пекулия, хотя вообще дарение из пекулия считалось действительным (Cod. Iust. XII. 37. 1. 4; D. 24. 1. 3. 4). Таким образом, в регулировании солдатской собственности на недвижимость власть руководствовалась все тем же принципом – максимально содействовать материальному благополучию солдат и корпоративной сплоченности тех, кто нес совместную службу, но при этом не допустить возникновения таких условий, которые могли бы привести к ослаблению дисциплины²⁸.

Не включался в состав воинского пекулия и подаренный женой раб, потому что ее нельзя было признать знакомой воина вследствие военной службы (D. 49. 17. 6; 49. 17. 8)²⁹. Но если жена дарила рабов мужу, отправляющемуся в

²⁸ Jung. Op. cit. S. 942 ff.; Wesch-Klein. Op. cit. S. 67–69.

²⁹ По мнению С. Фанг (*Phang S.E. The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A.D.): Culture, Law, and Practice // Journal of Family History. 2002. 27. 4. P. 364*), это мнение Папиниана и Ульпиана может свидетельствовать о сохранении определенного предубеждения против связей солдат с женщинами даже после признания законности солдатских браков Септимием Севером в конце II в. н.э. Американская исследовательница обращает внимание в связи с этим также на то, что солдатские жены и дети не имели права вчинять иск по поводу несоблюдения в завещании морального долга родственника (*querela inofficiosi testamenti*) (Cod. Iust. III. 28. 9). Эта норма, очевидно, была направлена на защиту имущественных интересов солдат и их товарищей по службе, которым в силу развитых в воинских частях дружеских связей

армию, чтобы он отпустил их на волю и имел отпущенников, пригодных для военной службы, то, по мнению Ульпиана, он мог по своей воле без позволения отца предоставить им свободу (D. 47. 17. 6). Приданое же супруги однозначно не могло быть сделано частью воинского пекулия, поскольку оно предназначалось для нужд брака и общих детей, которые находятся под властью деда (D. 49. 17. 16 pr.). Равным образом не входили в состав воинского пекулия прочие дары или легаты, оставленные женой, а также дарения, сделанные родственником или другим каким-либо лицом, если они не были связаны знакомством или взаимной привязанностью, возникшей во время прохождения службы (*castrensis potitia vel affectio*), пусть даже при этой передаче вещей специально оговаривалось, чтобы воин имел их в своем пекулии (D. 49. 17. 8). Вместе с тем, дарение жене мужем, состоящим под властью отца, вещей из воинского пекулия признавалось действительным (D. 24. 1. 32. 8, 17), вопреки известному общему правилу, по которому дарения между супругами были с юридической точки зрения ничтожны (D. 24. 1. 1. 2–3 pr.).

Цель такого рода ограничений и преимуществ, определявших состав воинского пекулия, вполне очевидна – поощрение в первую очередь товарищеских связей и сплоченности внутри тех подразделений, где служили обладатели воинского пекулия, а также обеспечение материальных возможностей, необходимых для прохождения военной службы, и компенсация связанных с ней тягот и лишений. На это и была нацелена вся система социальных гарантий и юридических привилегий, предоставляемых императорским законодательством – а по сути непосредственно императорами – военнотружущим, система, которая, по безусловно верной оценке современных исследователей, была исключительно эффективна и не знала себе равных в древнем мире³⁰.

Главной отличительной особенностью воинского пекулия как особого вещного права стала его практически полная независимость от правомочий отца семейства. Остававшиеся под властью отца воины фактически имели воинский пекулий в своей полной собственности и могли распоряжаться им как угодно: завещать, пользуясь своим правом воинского завещания; производить дарение при жизни или на случай смерти (*qui habent castrense peculium... in ea condicione sunt, ut donare et mortis causa et non mortis causa possint* – D. 39. 5. 7. 6); продавать (в этом случае прибыль включалась в пекулий – D. 49. 17. 11; 46. 3. 98. 3) и т.д. У отца же, как подчеркивается в рескрипте императора Александра Севера, не

часто завещалось имущество сослуживцев даже в том случае, если у завещателей были жена и дети. Ср. по этому поводу: *Wells C.M. Celibate Soldiers: Augustus and the Army // American Journal of Ancient History. 1998. 14. 2. P. 189–190.* О том, что даже женатые воины предпочитали назначать наследниками своих *commilitones*; см. *Saller R.P., Shaw B.D. Tombstones and Roman Family Relations in the Principate: Civilians, Soldiers and Slaves // JRS. 1984. 74. P. 134.*

Еще одной мерой, призванной обеспечить интересы сослуживцев против возможных притязаний со стороны сожительниц воинов, было решение Адриана о том, что в качестве наследницы воина не могла быть назначена женщина, на которую может пасть подозрение в безнравственном поведении (D. 29. 1. 41. 1: *in qua turpis suspicio cadere potest*; ср. *Cod. Iust. VI. 21. 5*, а также D. 34. 9. 14: *quae stupro cognita in contubernium militis fuit*). О возможных мотивах этого решения см. *Phang. Op. cit. P. 363 f.*; *Wesch-Klein. Op. cit. S. 107.*

³⁰ См. *Watson G.R. The Roman Soldier. New York-Ithaca, 1969. Passim*; *Jung. Op. cit. S. 882 ff.*; *Wesch-Klein. Op. cit. S. 201 et passim*; *Campbell. Op. cit. P. 208 ff., 236*; *Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с франц. М., 2001. С. 335–347.*

было на него никакого права – *nec in eo ius ullum patris est* (Cod. Iust. XII. 36. 3; ср. D. 49. 17. 18. 1, а также D. 38. 17. 10: «из лагерного имущества сыновей отцам ничего не причитается»). Ни отец ничего не мог из него изъять, ни кредиторы отца не могли продать его с торгов либо иным способом потревожить; не становилось это имущество после смерти отца общим с братьями (Inst. II. 12 pr.).

Особый статус воинского пекулия проявляется и в том, что по отношению к нему не действовал ряд принципиально значимых норм общего частного права. Так, подвластный сын имел право без всякого согласия отца вчинять иски по поводу вещей, принадлежавших его воинскому пекулию (D. 49. 17. 4. 1). Эти вещи могли быть предметом договора купли-продажи между отцом и подвластным сыном, тогда как по общему праву такая сделка была в принципе невозможна (D. 18. 1. 2). Более того, по поводу имущества, составлявшего воинский пекулий, между отцом (как родным, так и приемным) и подвластным сыном – опять-таки вопреки общим нормам – допускались судебные споры³¹. В частности, Ульпиан полагал, что если сын, имевший воинский пекулий, совершал кражу у отца, то последний получал право вчинить ему иск о воровстве; равным образом, и отец, что-то похитивший из воинского пекулия сына, также мог оказать ответчиком по *actio furti* (*furti tenebitur* – D. 47. 2. 52. 4).

В своем комментарии к преторскому эдикту Ульпиан, подчеркивая, что независимо от должности подвластного сына, будь он хоть консулом, действовал Македонианский сенатусконсульт, принятый при Веспасиане и запрещающий сделки займа с подвластным сыном, однако, специально оговаривает, что данное законоположение не имеет силы, если этот сын был обладателем воинского пекулия (D. 14. 6. 1. 3). Воины получили также то, что уже в послеюстиниановский период стало называться *beneficium competentiae* («льгота по ответственности»), т.е. право должника отвечать только в пределах имеющихся у него средств (*in quantum facere potest*), причем против любых кредиторов (D. 49. 17. 7 pr.).

Очень важно, что рабы, приобретенные подвластным сыном во время военной службы, входили в его воинский пекулий и не принадлежали фамилии отца, так что последний не имел права отпустить таких рабов на волю при жизни сына (D. 40. 1. 17; 49. 17. 9). Сын же, согласно рескрипту императора Адриана, таким правом обладал, причем, давая своим рабам вольную, он делал их своими отпущенниками, а не отпущенниками отца (D. 23. 2. 45. 3; 37. 14. 8 pr.; ср. 38. 2. 3. 9; 38. 2. 22. pr.; 40. 1. 17 pr.; 49. 17. 13; 49. 17. 19. 3)³², т.е. фактически приобретал права патрона. А это означало, что за подвластным сыном-воином *de facto* при-

³¹ D. 5. 1. 4: «Гай в 1-й книге “Комментариев к провинциальному эдикту”. Никакого судебного спора не может быть у нас с тем, кого мы имеем в нашей власти, разве что дело пойдет о воинском пекулии» (ср. D. 2. 4. 8). Последняя часть фразы некоторыми исследователями считается позднейшей интерполяцией (см. *Vendrand-Voyer*. Op. cit. P. 305–306. Not. 149). Об исках между домовладыкой и сыном-воином см. специальную работу: *Daube D. Actions between «paterfamilias» and «filiusfamilias» with «peculium castrense» // Collected Studies in Roman Law. Vol. 1. Frankfurt a. M., 1991. P. 359–394.*

³² Правда, Марциан ссылается на мнение Юлиана, согласно которому раб, отпущенный на волю сыном-воином, становился отпущенником отца, но при этом сын, пока был жив, пользовался предпочтительным правом перед отцом в распоряжении имуществом этого отпущенника (D. 38. 2. 22). О трактовке этого мнения и его согласовании с решениями Адриана см. *Fitting. Das castrense peculium... S. 95, 125 f.; Appleton. Les pouvoirs du fils de famille sur son pecule castrens et les Digesta de Julien // Nouvelle revue historique de droit francais et etranger. 1911. 35. P. 597 suiv., 602; Vendrand-Voyer. Op. cit. P. 253 suiv.; Lehmann. Op. cit. S. 209.*

знавалось не только обладание патримонием (т.е. права бонитарного собственника), но и возможность осуществлять властные права, т.е. наличие того, что называлось *dominica potestas*³³. Иными словами, и с этой точки зрения подвластные сыновья выступали «как бы в роли отцов семейства» (ср. выражение Помпония в D. 38. 17. 10 pr.: *quasi patres familiarum*).

Вместе с тем, по обоснованному заключению Ж. Вандран-Вуайе, если определение *castrense* («воинское», «приобретенное в лагере, на военной службе») в приложении к солдатскому имуществу подчеркивает его связь с воинским статусом его обладателя и определенную роль государства в создании этого института, то обозначение «пекулий», вероятно, указывает на некое типологическое сходство его правового режима с обычным пекулием, предоставляемым отцом подвластному сыну³⁴. Об этом свидетельствует сохранение некоторых традиционных прав отца семейства в отношении воинского пекулия своего сына. В частности, если сын семейства умирал, не оставив завещания и не имея ни детей, ни живых братьев, этот пекулий переходил к его отцу в соответствии с нормами общего права (Inst. II. 12 pr.), т.е. не как наследство, а как обычный пекулий (D. 49. 17. 2; 49. 17. 14; 49. 17. 17; 49. 17. 19. 3; Cod. Iust. XII. 36. 5). Но этим по существу вся причастность отца как формального собственника всего, что принадлежит его подвластным, и ограничивалась. Можно сказать, что для юрисконсультов отец в отношении воинского пекулия своего подвластного сына находился в таком же положении, как расточитель в отношении своей собственности: он лишь формально считался ее обладателем, не имея власти на деле осуществлять свои права³⁵.

Таким образом, подводя итоги вышеизложенного, констатируем следующее. Исконное разграничение военной и мирной сфер жизни в Древнем Риме с созданием профессиональной постоянной армии трансформируется в разделение гражданского коллектива на мирное население (*pagani*) и профессиональных военных³⁶, которые образуют особую корпорацию, пользующуюся совокупностью юридических льгот и привилегий, предоставляемых императорской властью. Это разделение находит свое выражение и в системе римского частного права, в котором формируется особый раздел – *ius militare*. Содержание рассмотренных норм военного права позволяет говорить о своеобразном «раздвоении» юридической личности воина, который, с одной стороны, оставался римским гражданином, подчиненным *patria potestas* и *ius commune*, а с другой – дол-

³³ *Vendrand-Voyer*. Op. cit. P. 256.

³⁴ *Ibid.* P. 278. Наличие у военнотружущаго воинского пекулия не исключало и предоставления ему отцом пекулия обычного.

³⁵ *Vendrand-Voyer*. Op. cit. P. 285; ср. *Lehmann*. Op. cit. S. 207 f.

³⁶ Следует оговорить, что понятие *militēs* относилось к воинам разных родов войск (легионов, преторианской гвардии, городских когорт, *vigiles*, *auxilia* и флота), от рядовых (*militēs gregarii*, *caligati*) и младших командиров (*principales*) до центурионов разных рангов включительно; к средним и старшим офицерам всаднического ранга (трибунам, префектам) и военачальникам (легатам, президам) применялось обобщенное наименование *virī militares*. Вопрос о том, можно ли считать римских старших командиров и военачальников профессиональными военными, остается дискуссионным (см. *Махлаюк А.В.* *Scientia rei militaris* (К вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии) // Вестник ННГУ. Серия история. Нижний Новгород, 2002. Вып. 1. С. 13–31, с указанием основной литературы вопроса). Во всяком случае, когда речь заходит об особых привилегиях военнотружущих, подразумеваются простые *militēs*; если же соответствующие привилегии (в частности, связанные с правом делать воинское завещание) распространялись на командиров, это специально оговаривалось (ср., например, D. 29. 1. 43; 37. 13. 1 pr.; 37. 13. 1. 1–2).

жен был выполнять особую миссию, подчиняясь требованиям *disciplina militaris* и связанным с ней ограничениям его гражданской правоспособности. Поэтому в создании и толковании правовых норм, относившихся к имущественным и наследственным правам военнослужащих, приоритетное значение имели условия и задачи военной службы, в частности, необходимость обеспечить сплоченность воинских подразделений и привлекательность военной профессии. Ради этого императорами вводились соответствующие привилегии, а римским правоведам приходилось применять недюжинную изощренность, чтобы интерпретировать эти новые нормы, идущие вразрез с общим правом, заполнить лакуны в этом общем праве, которое не учитывало особый статус гражданина, ставшего профессиональным военным. С точки зрения частного военного права, в том числе и в сфере функционирования института лагерного пекулия, четко проявилась тенденция на преодоление различий между лицами *sui iuris* и *alieni iuris*, ибо таковые ставили в совершенно разное положение воинов, служивших бок о бок, в зависимости от того, сохранялась ли над ними отцовская власть или нет. Кроме того, сохранение в неприкосновенности всех полномочий отцовской власти в отношении имущества подвластных сыновей, находившихся на военной службе, создавало бы не только формально-юридические, но и чисто технические затруднения, касавшиеся как личных прав солдат распоряжаться полученными на военной службе доходами, так и организации снабжения и социального вспомоществования в воинских частях.

Одним из путей преодоления такого рода затруднений стала разработка особого правового института – *rescilium castrense*. Его введение, не отрицая принципов самой отцовской власти (в том числе и принципа верховной собственности отца на все имущество подвластного сына), позволило ограничить их применение в той сфере, которая непосредственно касалась интересов государства и должна была им направляться и контролироваться³⁷. Развитие *rescilium castrense*, несомненно, отражало также растущее значение доходов, получаемых на государственной службе³⁸. Следует, далее, подчеркнуть, что уже само по себе выделение *milites filii familias* как некой особой правовой категории может свидетельствовать о сохранении в силе самого принципа *patria potestas*³⁹, причем как принципа, с которым нельзя было не считаться в реальной жизненной практике и который имел столь важное значение, что даже отдельные, казалось бы, несущественные, моменты повседневной жизни и имущественного положения сравнительно небольшой части римских солдат⁴⁰ требовали юридического вме-

³⁷ *Vendrand-Voyer*. Op. cit. P. 286.

³⁸ *Arjava*. Op. cit. P. 164.

³⁹ *Vendrand-Voyer*. Op. cit. P. 303.

⁴⁰ При общей численности вооруженных сил Империи примерно в 400–450 тыс. человек легионеры составляли порядка 180 тыс. (*MacMullen R. How Big was the Roman Imperial Army // Klio. 1980. 62. S. 451 ff.*). Если учесть, что в обычных условиях новобранцы вступали в армию в возрасте 18–20 лет, и принять во внимание вполне обоснованные выводы Р. Сэллера о том, что более 2/5 20-летних, более 4/5 30-летних и почти все римские граждане старше 40 лет не имели в живых отцов и были лицами своего права, то окажется, что общее число легионеров, остававшихся под отцовской властью, было крайне невелико, не превышая по максимальным оценкам 30–40 тыс. человек. О возрасте поступления на службу и демографической структуре армии см. *Scheidel W. Inschriften Statistik und die Frage des Rekrutierungsalters romischer Soldaten // Chiron. 1992. 22. S. 281–297; idem. Rekruten und Überlebende: die demographische Struktur der romischen Legionen in der Prinzipatszeit // Klio. 1995. 77. S. 232–254; idem. The Demography of the Roman army // *Mesuring Sex, Age and death in the Roman Empire. Ann Arbor, 1996. P. 93–138.* Выводы Р. Сэллера изложены, в частности, в его статье: *Men's Age at Marriage... P. 33.**

шательства на самом высоком государственном уровне – уровне императора. Императорам важно было не только и, может быть, даже не столько ввести какие-либо существенные новшества, сколько продемонстрировать свое особое благорасположение к воинам⁴¹, и, таким образом, к сугубо прагматическим мотивам введения особых льгот для военных неизбежно примешивались политические и идеологические соображения. Важно и то, что соответствующие меры относились к простым солдатам, в ответ на запросы которых императоры подчас и принимали необходимые решения и давали разъяснения (например, Cod. Iust. XII. 36. 3; 36. 1). В этом плане, безусловно, прав Б. Кэмпбелл⁴², который не соглашается с мнением Д. Доуба, что нормы *patria potestas* касались только высших классов⁴³.

Возвращаясь же к дискуссии о значении отцовской власти, можно в качестве общего итога заключить, что особый статус профессионального войска, совокупность предоставляемых военным служащим льгот и привилегий неизбежно порождали противоречия с институтом *patria potestas*, игнорировать которые было невозможно. А это значит, что с точки зрения и законодателя, и интерпретаторов права, и самих воинов отцовская власть имела отнюдь не маргинальное, не символическое только или абстрактное значение, но была вполне практическим фактором, имевшим прямое отношение к реальному положению небольшой, но очень важной в общественном и политическом плане социопрофессиональной группы римского общества. Поэтому в этой дискуссии мы скорее склонны присоединиться к тем исследователям, которые видят в *patria potestas* одно из базовых установлений римского социума, сохранявшее свое значение на всем протяжении истории Рима, что, впрочем, несколько не умаляет правоты их оппонентов, когда они отрицают непосредственное влияние мифологизированно суровой отцовской власти на сферу повседневно-бытовых отношений в римской семье.

MILITES FILII FAMILIAS: PATRIA POTESTAS, PECULIUM CASTRENSE AND THE SOCIAL STATUS OF ROMAN LEGIONARIES IN THE IMPERIAL PERIOD

A. V. Makhlayuk

In the context of the discussion about the social meaning of *patria potestas* in the Classical period, the author analyses the essence, the causes and the consequences of special legal norms and privileges concerning rights and family status of sons under *patria potestas* in military service (*milites filii familias*).

The institute of *peculium castrense*, created with regard for specific conditions and needs of military service, made it possible, without disclaiming the principles of *patria potestas*, to restrict and control its application in the sphere of high state importance. The institute of *peculium castrense* smoothed over the difference between the persons *sui iuris* and *alieni iuris*, for such difference put in quite different positions soldiers under *patria potestas* and their independent fellows. At the same time the existence of *milites filii familias* as a special legal category is indicative of the importance of *patria potestas*, so great that even some irrelevant, as it might seem, details of everyday life of a small part of Roman soldiers could call for the emperor's legal intervention. It was important to the emperors not only to bring about an innovation, but also to show his benevolence towards the warriors. Therefore, political and ideological considerations got entangled with quite pragmatic reasons for introducing special privileges. A special status of the professional army and the privileges granted to the military men would come to inevitable and not negligible contradictions with *patria potestas*. This means that the latter was not a marginal, or symbolic, or abstract convention, but an effective factor having to do with real life of a small but socially and politically important professional and social group of the Roman society.

⁴¹ Campbell. Op. cit. P. 208 f. См. также выше прим. 24.

⁴² Ibid. P. 230.

⁴³ Daube. Op. cit. P. 81.